

Социальная мобилизация: к истории понятия

.....

И.А. Климов^{*}

Исследования социальной мобилизации в значительной мере направлены на выделение субъекта социального действия, вызывающего реструктурирование сообществ. Этот субъект не обязательно конституируется численным большинством (хотя численность является важным социальным ресурсом). Более важным представляется его способность осуществить социальную рефлексию, привести в движение мобилизационные механизмы и оказать стимулирующее влияние на развитие структурационных процессов.

Понятие «мобилизация» имеет коннотации «военная», «революционная», «этническая»; оно ассоциируется с трудовым энтузиазмом «великих строек социализма», протестно-мобилизационной риторикой митингов, шахтерскими акциями протеста начала 1990-х и «рельсовой войной» 1998 г. Мобилизационный дискурс характеризуется эклектичностью, и в нем все более заметны тенденции к идеологизации; мобилизационная проблематика растворена в политических дискуссиях, за которыми не просматривается теоретической систематизации. Историко-теоретическая традиция проблематизации социальной мобилизации не реконструирована, в силу чего в исследованиях практически не учитывается *кумулятивный эффект научного наследия*. Именно из-за концептуальной нищеты тема мобилизации все чаще фигурирует в публицистике и в политологических текстах в связи с острой потребностью в социальной интеграции, вполне возможно превращение этого понятия в идеологическое клише.

Многоуровневые политические и социокультурные трансформации российского общества не просто изменили принципы социальной интеграции, а нарушили действие интегративных механизмов, институционализированных в предыдущую эпоху. Реформами были созданы новые политические и структурно-институциональные возможности, но механизмы социальной интегра-

^{*} Климов Иван Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: klimov@orc.ru

ции, основанные частью на новых, частью на адаптированных старых принципах, оказались неспособными противостоять развитию аномии. Современные социальные структуры российского общества неопределенны и нестабильны. Неясны правила их деятельности, сфера компетентности и ответственности, объем ресурсов (властных, материальных, социальных); их отличает недостаточная эффективность и слабая респонсивность — способность воспринимать социальные воздействия и адекватно на них реагировать.

Люди осознают такую ситуацию как тревожную, угрожающую их нормальному повседневному существованию. Личный опыт индивида не может служить ему надежным ресурсом в плохо структурированном социальном пространстве, в условиях плохо прогнозируемого будущего — как своего собственного, так и социально-слоевого. Очевидно, что синдром социальной тревожности, восприятие людьми своего социального и природного пространства как непригодного для жизни создает почву как для протестной мобилизации, так и «мобилизации во имя...», одинаково направленных на переопределение кризисной ситуации. Однако страхи и тревожность — это лишь симптомы, изучение которых только отчасти может приблизить нас к пониманию механизмов социальной мобилизации. Вместе с тем поле альтернатив этим не ограничивается. П. Лазарфельд отмечал, что ухудшение условий жизни, происходящее на фоне (субъективно) непонятных и (объективно) неподконтрольных общественных изменений с намного большей вероятностью влечет за собой деморализацию, апатию и социальную атомизацию, нежели ту или иную форму политической инициативы и мобилизации. И действительно, *массовый отказ от проявления инициативы* в структурных формах, предлагаемых властью, является сильной и эффективной стратегией протеста. Одним из первых это отметил Р. Мертон, обозначив *ретретизм* в качестве одного из способов индивидуальной адаптации к структурной аномии.

В тех обществах, где слабо развита солидарность, процессы целеполагания рассогласованы, а наличные институты разного уровня демонстрируют низкую степень респонсивности, что препятствует рационализации общественных отношений и усиливает дезинтеграцию общества. Таким образом, в периоды социальных изменений общество объективно нуждается в ресурсе солидарности и в ресурсе инициативы — двух слагаемых социальной мобилизации, и задача власти, институтов гражданского общества состоит в том, чтобы стимулировать и целеориентировать развитие этих феноменов.

Социальную мобилизацию можно рассматривать как феномен, в котором взаимодействуют деятельностные характеристики социальных субъектов и структурные детерминанты действия. По крайней мере, такое ее описание представляется релевантным для классических социологических доктрин эпохи модерна, в которых упомянутая оппозиция была одной из ключевых. Постигание логики социальной мобилизации как контрверсы структуры и действия особенно важно в те моменты, когда социальная организация обще-

ства приходит в движение, изменяется пространство социальных координат и на смену одним социальным акторам приходят новые социальные субъекты.

Эпоха модерна — достаточно условное обозначение периода в развитии новоевропейской культуры, простирающегося приблизительно от начала Нового времени до середины XX столетия [18, с. 324]¹. Модернизм, если рассматривать его как комплексное движение в более чем столетней истории культуры, отталкивался прежде всего от реалистического (а в какой-то момент — от позитивистского) мировосприятия нового времени. Он стремился не просто к описанию реальности, а к ее *моделированию*, поскольку основывался на убеждении, что разум и аналитический подход способны вычленивать базовые детерминирующие факторы развития и изменения мира. Предполагалось, что тем самым наука может привнести в мир разумное начало и стать основной рационального переустройства социального порядка.

Парадигма научности включала в себя два существенных элемента, тогда еще не казавшихся противоречивыми. Первый из них описывается бэконовской формулой «знание — сила» и представляет установку научного поиска; второй — формулой Сократа «знание есть добродетель»; рациональный активизм ориентировал науку на активное социальное участие. Таким образом, в *двуединном этосе* Просвещения тождественными оказывались понятия «ум», «могущество», «добро», а главной задачей социальной науки стало прозрение путей к социальному благоденствию и улучшению нравов. Именно в силу этих установок концептуальные построения социальных мыслителей эпохи модерна отличались масштабностью описательных моделей и четким *доктринальным* характером.

Модернизм породил серию попыток решить гоббсову проблему порядка, общим для которых было стремление к открытию основ *рационально организованного социального взаимодействия*. Такой подход базировался (в большей или меньшей степени) на аналогии с механистической картиной мира: если мир состоит из неделимых атомов, обладающих рядом свойств, то и в социальных науках взаимодействие между социальными атомами может быть исчислено на базе их характеристик. В силу этого *проект модерна* можно назвать проектом социальной инженерии, поскольку в его основе лежит деизм — религия разума, а не религия откровения. Единственным критерием истины является разум, а разумная упорядоченность человеческого бытия есть тот идеал, в котором объединятся гармоничность и естественность индивидуальных и общественных склонностей.

Стремление к созданию моделей исторического развития и изменений предопределило появление базовой проблемы социологической науки — контрверзы *структуры и действия*. Если первое понятие символизировало упорядоченность и определенность свойств природного и социаль-

¹ Специфика русской языковой традиции делает двусмысленным употребление слова «модерн», ассоциирующегося в первую очередь с направлением в искусстве конца XIX–XX вв.

ного мира, потенциально доступного для понимания, то за вторым скрывалась антитеза бесформенности, неупорядоченности и хаотичности движущегося материала мира. Для мира социального это был в первую очередь сам человек. Одной из стержневых тем для социальных теоретиков эпохи модерна стал, таким образом, поиск возможных *разрешений* этой контрверзы.

* * *

Одним из первых к термину «мобилизация» обратился Э. Юнгер в эссе «Тотальная мобилизация» (1930) и «Рабочий» (1932) [27]. Главным предметом его ранних работ была своего рода диагностика «эпохи людских масс и машин» периода Первой мировой войны и революционных движений в России, Италии и Германии. Юнгер полагал, что главным отличием эпохи является особое переживание войны, в котором соединены ощущения людской массы и принудительной безжалостности техники. Такое переживание – всеподчиняющее и «принудительное» вовлечение всех жизненных сил и средств людей и общества в целом в тотальную мобилизацию во имя страны и государства, становится принципом, *тотальным образом организующим жизнь* – от экономики и политики до психологического склада человека.

В операциональном виде понятие мобилизации появилось в западной социологии уже в рамках исследований социальных движений, развитию которых в немалой степени способствовал всплеск социальной активности и «бунтарский дух» 1960-х гг. Первоначально эти исследования носили отпечаток ранее возникшей традиции, ориентированной на проблематику массового общества, тоталитарных режимов, стихийного массового поведения и толп. Понятие мобилизации в ней ассоциировалось с процессами национального сплочения, с усилением роли институциональных механизмов управления активностью населения (Г. Тард, Г. Лебон, Т. Адорно, Х. Арендт).

На этой основе сформировалась парадигма «коллективного поведения», которая исследовала проблему с точки зрения *мобилизации действия*. Существенный недостаток этого направления заключается в том, что мобилизация как «подготовка к действиям» зачастую отождествляется с самими действиями. Так, согласно ранним работам Г. Блумера, способом существования любого коллективного объединения является *общая деятельность*. Отсюда следует, что *любая* активность индивидов, направленная на установление *общности* (причем совершенно неважно, на каких основаниях – рациональных, аффективных, ценностно-мировоззренческих) уже сама по себе есть «мобилизация действия» [28].

Другие представители этой парадигмы (Дж. Дэвис и Т. Гарр) в качестве причин таких мобилизационных феноменов, как социальный протест, коллективное насилие и революции, называли феномен «относительной депривации» — болезненный синдром сознания, эпидемиологически распространяющийся среди населения и не контролируемый ценностями и нор-

мами институциональной культуры [31; 33]. Теория относительной депривации трактует *мобилизационные феномены* как результат суммирования индивидуальных предрасположенностей (степень депривированности) и тенденций в индивидуальном поведении (недовольство, протест) и достаточно спонтанное превращение их в ту или иную *форму коллективного насилия*.

Г. Блумер, принимая психологию индивидов только как один из факторов, влияющих на коллективное поведение, разрабатывал проблематику социальных движений в несколько ином направлении [29; 30]. Он полагал, что любые формы коллективности характеризуются свойствами, не выводимыми из свойств отдельных индивидов, и важную роль в этом играют *социальное взаимодействие и групповая структура*. Блумер объясняет феномен мобилизации, с одной стороны, процессами ценностно-мировоззренческой кристаллизации и развития групповой сплоченности, с другой — процессом коллективного конструирования *проблемной ситуации*. Коллективное поведение при таком подходе представляет собой процесс непрерывной мобилизации действия, принимающий разнообразные формы и имеющий своей целью добиться от общества признания некоторой ситуации, актуальной для определенного круга людей, в качестве проблемной и чреватой социальными конфликтами.

Другое направление в социологии общественных движений — *парадигма мобилизации ресурсов* — существенным образом изменило исследовательские акценты, положив в основу описания феномена «модель рационального выбора» [34]. Понятие мобилизации как целенаправленного и рационального предприятия было описано М. Олсоном. Он исходил из представления, что любая коллективная деятельность направлена на создание общей, всеми потребляемой ценности. Ради нее акторы предпринимают *рациональные действия*, ориентируясь на ясно обозначенные, фиксированные цели. Для этого они устанавливают централизованный контроль над доступными ресурсами, над получаемой «прибылью» и определяют наиболее эффективные (ресурсосберегающие) стратегии [38].

В рамках теории «мобилизации ресурсов» мобилизация определяется как «процесс, в ходе которого индивидуальные ресурсы членов группы передаются в распоряжение этой группы, накапливаются и направляются на достижение общих целей или для защиты групповых интересов» [37, р. 306]. Представители этого направления стремились в первую очередь операционализировать понятие «ресурсы», систематизировать все их разновидности, а затем описать механизмы, с помощью которых происходит их аккумуляция и использование участниками социальных движений. Исследователи, работавшие в ресурс-мобилизационной парадигме, главным образом обращались к проблемам организации, рекрутирования и членства, выбора эффективных стратегий действия, репертуара действий [35; 37].

Одним из первых исследователей, заявивших о необходимости концептуализации понятия мобилизации, стал А. Этциони [32]. Разрабатывая эту

концепцию во многом в системно-эволюционистской традиции, он ввел в научный оборот такие понятия, как «мобилизационный потенциал», «мобилизационные барьеры», «респонсивность», «контрмобилизация» и ряд других. Он увязал концепцию мобилизации с понятиями модернизации, интеграции и социальных изменений, показав далеко неоднозначные зависимости между этими явлениями и процессами.

Не менее заметным направлением стали исследования политического контекста, возможностей политического участия и репертуара действий, предпринимаемых социальными движениями и общественными организациями (Ч. Тилли, С. Тэрроу, Д. Макадам, Г. Китчелт). Основной тезис Тилли заключается в том, что социальные движения начинают развиваться, во-первых, в условиях институциональной ригидности властно-политической системы общества и, во-вторых, когда властные группы (в силу определенных обстоятельств) не могут осуществлять полноценный контроль над подлежащими такому контролю сферами общественной жизни. Разнообразные трансформации, происходящие как на социетальном, так и на локальном уровне, ставят перед людьми новые задачи, порождают у разных социальных групп новые интересы, которые все труднее удовлетворить, не изменяя институционального порядка общества. Социальные движения небезосновательно рассматривают политическое участие как одну из возможных стратегий реализации своих интересов, они прибегают к внеинституциональным формам коллективных действий с целью добиться результата в сфере институциональной. В силу этого, согласно Тилли, процесс рекрутирования, мобилизация консенсуса и развитие солидарности, проводимые акции и предпринимаемые внеинституциональные действия являются звеньями политической мобилизации, направленной на подрыв монополии власти, на организацию и институционализацию социального взаимодействия [42].

Дальнейшее развитие мобилизационной проблематики связано с появлением ряда социологических парадигм, в которых понятие мобилизации хотя и занимало важное место, но уже не относилось к терминам первого ряда. В парадигме «новых социальных движений» (А. Турен, А. Мелуччи) процессы мобилизации рассматривались в контексте идеи групповой идентичности и создания новых культурных кодов и моделей описания мира [36; 43]. В парадигме «социального конструктивизма» эта тема возникала для объяснения процессов конструирования и легитимации социальных проблем [41]. В активистской социологии делается акцент на способности мобилизационных флуктуаций изменять институциональную организацию обществ, создавая новые социальные практики и институциональные структуры (Э. Гидденс, П. Штомпка). Этносоциальные исследования традиционно оказывают заметное влияние на развитие концепции мобилизации [39].

В отечественной социологической литературе нет отчетливой традиции использования понятия мобилизации. Со времен Октябрьской революции и Гражданской войны в общественном дискурсе это слово по преимуществу

употреблялось в контексте проблем воинской мобилизации, трудовой повинности и «милитаризации хозяйства». Эта традиция берет начало в работах Л. Троцкого [25, с. 748; 26, с. 662]. В 1980–1990-х гг. появилось множество исследований, посвященных проблемам молодежных суб- и контркультур, и в это же время опубликовано несколько работ об Э. Юнгере (однако главные его эссе и военные дневники были изданы только в последнее время). Тем не менее термин фигурировал в них в качестве второстепенного, а само явление не описывалось систематически. Понятие мобилизации как социокультурного процесса, как способа функционирования традиционалистского общества использовано Н.И. Лапиным для изучения и описания нескольких «мобилизационных волн», под воздействием которых формировалось и развивалось советское общество, однако и в данном случае понятие использовалось скорее как метафора, имеющая определенную оценочную составляющую [16]. Впервые проблематика мобилизации была систематически изложена в работе Е.А. Здравомысловой [10]. Несмотря на то что рассмотрение этой темы ограничивалось рамками социологии общественных движений, была продемонстрирована концептуальная значимость термина для изучения процессов социальной организации.

Еще одна тематическая рамка, которая заставляет сегодня обращаться исследователей к проблеме, — это протестные движения и развитие профсоюзов. Большая часть работ описывает «феноменологию» мобилизационных процессов [3; 6; 11; 19; 23]. Заметный вклад в развитие этого направления и протестно-мобилизационного дискурса вообще внесли регулярные издания 1994–1996 гг. Российско-американского фонда профсоюзных исследований и обучения: «Наемный работник в современной России», и «Новое рабочее и профсоюзное движение». Заметно реже появляются исследования, разрабатывающие протестную проблематику как социологическую в контексте структурных изменений [7; 8; 9; 21]. В ряду социологических исследований особо следует отметить работу В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев» [12]. В ней по архивным данным реконструирована история насильственных столкновений населения и власти в период с 1953 до начала 1980-х гг. в контексте социальных и политических тенденций в развитии страны.

Вместе с тем представляется очевидным, что на сегодняшний день систематической разработки концепции социальной мобилизации и тем, соотносящихся с ней, не ведется. Наиболее вероятными направлениями, в которых возможно обращение к этой проблематике, являются, на наш взгляд, следующие: политический дискурс власти, парадигма развития гражданского общества в России, политические партии, профсоюзное и экологическое движение, протестная активность в защиту гражданских прав. Восполнить обозначенный пробел — наша задача: мы собираемся систематически рассмотреть точки зрения авторов, относящихся к классической социологической традиции эпохи модерна, что может способствовать достижению двух целей.

Во-первых, анализ классических концепций может в значительной степени обогатить понятийный аппарат и тем самым преодолеть однолинейность и частую метафоричность доминирующих описаний.

Во-вторых, мы докажем, что теория социальной мобилизации порождена не постмодернистским дискурсом, а классической социологической традицией.

Социально-философские концепции эпохи Просвещения

Ключевую для всей традиции модерна проблему сформулировал Т. Гоббс: каким образом сохраняется очевидная упорядоченность человеческого общежития, если человеку по его природе неотъемлемо присуща страсть к свободному и самотождественному действию, ориентированному на максимизацию индивидуальной выгоды? Единственной альтернативой хаосу «естественного состояния» и «войны всех против всех» может быть только Государство [4; 5]. Социальной мобилизации нет места в гоббсовской модели общественного устройства: любая революция находится за пределами *разумного*, так как оспаривает установленный социальный порядок, освященный «общественным договором» и охраняемый Государством. В идеально устроенном обществе подданные разумно и добровольно следуют нормам раз и навсегда заключенного соглашения. Нормы повиновения могут быть нарушены только в одном случае — когда возникает дилемма: самосохранение или подчинение воле Суверена. Но и тогда бунтовать могут лишь *индивиды*, и лишь *непосредственно* оказавшиеся перед необходимостью такого выбора.

Как и у Гоббса, в концепции Ж.-Ж. Руссо [20] общественный договор предстает в качестве акта мобилизации лояльности по отношению к «верховному Суверену». Но если у первого им является Государь, Правитель, то у второго — Общая воля, обладающая нормативной и регулирующей силой не в силу *необходимости*, а в силу *справедливости* ее установлений: предписания Общей воли именно *всеобщи*, а не детерминированы спецификой индивидуальных желаний. Руссо не допускает мысли о том, что Общая воля может быть неправой, поэтому в идеальном обществе социальная мобилизация невозможна как в силу развитой саморепрессии индивидов, в силу принципа взаимного погашения частных интересов, так и неизбежного подавления правительством любых форм ассоциаций индивидов из-за их неправомочности. Иная роль социальной мобилизации может быть отведена в государствах и обществах, устройство которых лишено справедливого и законного характера, держится не на праве, а на силе. Тогда бунт народа против узурпатора, чьи частные интересы препятствуют реализации Общей воли, направлен на восстановление фундаментальных принципов человеческого общежития — свободы и равенства. В этом случае социальная мобилизация может быть оценена как необходимое условие перехода к истинно *гражданскому* состоянию.

Социальные исследования А. де Токвиля и концепция революции, построенная на примере Франции XVIII в., представляют собой еще одну интерпре-

тацию «гоббсовой проблемы порядка» [24]. Он показывает, что старый режим, неспособный адаптироваться к динамичным структурным изменениям, сам спровоцировал именно *революционную* механику их реализации. Из рассуждений Токвиля следует, что революции вызываются ценностной мобилизацией, бунтовским пафосом разрушения *ненавистной* системы, а не просто *мешающей* модернизации общества. Революционное сознание оказывается «негативной матрицей» тех социальных отношений, которые были свойственны старому режиму, а позитивные идеалы (свобода, прогресс, равенство) существуют как *антитеза сложившемуся положению вещей*. Именно в силу этого на уровне идей и массовых действий Французская революция носила анархический характер тотального отрицания всех связей с прежней эпохой, но на институциональном уровне выступила как преемник социальных закономерностей. В этом отношении социальная мобилизация и революция представляются Токвилю очень опасными: идеи, во имя которых возможно массовое воодушевление, останутся фантомами, если не будут подкреплены соответствующими социальными институтами. Поэтому бунтари, уничтожив старый режим, восстанавливают его едва ли не в более зловещей форме.

О. Конт рассматривает другую проблему: как возможно совместить прогресс и социальный порядок, равновесие и поступательность, личную инициативу и социальное чувство. Социальная мобилизация в доктрине Конта может быть реконструирована в ключе, близком к воззрениям Руссо: в позитивно устроенном обществе она невозможна (любое социальное устройство детерминируется *принципом целостности*) и осуждается, так как нарушает устойчивость взаимодействия и взаимозависимость частей «социального организма» [14; 15]. Бунтарство не способно создать конструктивной программы, так как руководствуется *критическими* по своей природе идеями, т.е. разрушительными. Позитивизм, позитивное знание не допускает возможности осуществления верховной власти народа, считает Конт. Прямое участие народа в управлении уместно только в период революции, но затем оно перерождается либо в анархию, либо в тиранию, действующую от имени «народной воли». Революционные потрясения показали бесполезность политических реформ без изменения духа. Для позитивной социальной эволюции необходимо совершенствование системы идей и системы морали, и обеспечить это может только «жречество философов», руководствующихся позитивным знанием.

Марксистское направление

Классовая теория К. Маркса строится на убеждении, что буржуазное общество может быть преобразовано в социалистическое только внесистемным, внеинституциональным социальным субъектом — пролетариатом. Капитализм создал особый тип индивида — пролетария. До поры до времени они — лишь масса, «класс-в-себе». Социальная мобилизация есть процесс превращения пролетариата в «класс-для-себя»: *масса* становится *субъектом*,

осознающим не только собственные интересы, но и собственную историческую миссию, необходимость активного и непосредственного участия в ее исполнении. Это осознание происходит не под влиянием идеологии и культуры мира, который должен быть разрушен, а с помощью пролетарской партии — той части «массы», в которой процесс становления субъектности идет наиболее интенсивно. Главным индикатором полноты и самореферентности процесса социальной мобилизации, согласно доктрине Маркса, служит последовательность классовой борьбы и готовность пролетариата к революции — единственно прогрессивному и закономерному этапу социальной истории.

Мобилизационная тематика в анархистской доктрине **М. Бакунина** [1; 2] реконструирована как проблема исторической смены субъектов социальных изменений: эта роль неизбежно должна перейти от Государства к самым широким социальным слоям. Буржуазия и пролетариат — это лишь ситуативные, конкретно-исторические акторы; реальный же конфликт происходит между двумя принципами общежития: иерархическим и анархическим. Любой народ носит в своем сознании, в инстинктах и в памяти *идеал своей нормальной организации*. Государство, пока самосознание народа не было развито, служило базой общности, но постепенно оно узурпировало функции управления. Восстановить базовые принципы человеческой свободы может только Революция, народом свершенная во имя «народного идеала». Бунтовская мобилизация доступна только пролетариату — субъекту, вырванному развитием производства из социальной бессознательности и рутины иерархических отношений с властью. Только он способен отказаться от самой идеи *управления и власти* и создать общество на принципах *«реализованной свободы»*. Оно будет строиться на свободной самоорганизации равных индивидов, и уже не бунтовская, а непрерывная «самоорганизационная» социальная мобилизация будет и нормой, и базовым *механизмом* анархического общества.

Социальная мобилизация в рамках доктрины **Ж. Сореля** предстает как борьба двух волей, которая может существовать только в форме революционного насилия — яростного отрицания рецидивирующего настоящего [22]. Революция предстает как социальная катастрофа, масштабность которой определяется непримиримостью двух культур — демократии и социализма. Буржуазия из-за приверженности старой культуре утратила исторический динамизм, волю к социальному и экономическому творчеству. Реальным субъектом истории становится пролетариат с особой этикой, рожденной производственным трудом, с особым чувством социального, воспитанным рабочими синдикатами. Но его главное отличие — это *энтузиазм и желание будущего*. Эти чувства буржуазное общество удовлетворить не в состоянии. Слагаемыми мобилизационного энтузиазма являются *отчаяние и социальный миф*. Любые теории и идеологии представляют собой род тирании, так как преследуют одну цель — склонить народ к пассивному послушанию. Социальный миф заставляет желать идеала, рождает энтузиазм и устремляет в будущее, мобилизует самые широкие массы

людей на социальное и (что является первостепенным для Сореля) производственное творчество.

Согласно концепции Д. Лукача [17], движение истории осуществляется онтологически целостной активностью людей, в которой *изменения обстоятельств* совпадают с *изменением действующего субъекта*. В буржуазном мире произошло нарушение этого единства, человек стал заложником своей «второй природы» — логически-рационального мышления и вещного детерминизма. Пролетарский мир конституируется категорией «труд», а не «товар». Этот мир образует практико-интеллектуально-эстетическую целостность, не разделенную на *субъект* и *объект*. Сам пролетариат, по Лукачу, является «самотождественным субъект-объектом». С этой точки зрения социальная мобилизация предстает как процесс *постоянного инициирования* самотождественным субъект-объектом взаимоотношений нового качества и новой природы, основывающихся все время на иных «универсальных категориях». Такой процесс непрерывного революционирования основ социального мира, будучи залогом динамизма общественного развития, по идее Лукача, позволит избежать самодовлеющего воспроизводства одной конкретно-исторической формы, когда теряется диалектическая взаимосвязь становления и ставшего и первое замещается вторым.

Структурно-функциональная парадигма и ее предтечи

В. Парето [40] в своих рассуждениях отталкивается от идеи Г. Спенсера о *динамическом равновесии* как одной из ключевых характеристик любых социальных процессов, взятых в их системной целостности. Парето полагает, что эволюция социальных порядков является внутренне детерминированным процессом: общество неизбежно приходит в движение, когда ресурсы гомеостаза исчерпаны. По мнению Парето, активность индивидов по большей части стимулируется отнюдь не велением разума, а представляет собой род «нелогических действий», детерминированных инстинктивно-интуитивными импульсами. При всем разнообразии внешних форм, действия людей определяются двумя базовыми побуждениями: страстью к инновациям и склонностью к сохранению. Социальная мобилизация провоцируется избыточной концентрацией субъектов — носителей «осадков» инновативного типа в одном сегменте общества, занимающих к тому же подчиненную позицию в структуре власти. Когда общественная система уже не может поддерживать структурную сбалансированность, она приходит в движение, при этом процессы социальной мобилизации выступают необходимым условием и механизмом самосохранения общества как системы. В результате происходит смена властных элит и на какое-то время снова устанавливается паритет разнородных социальных сил.

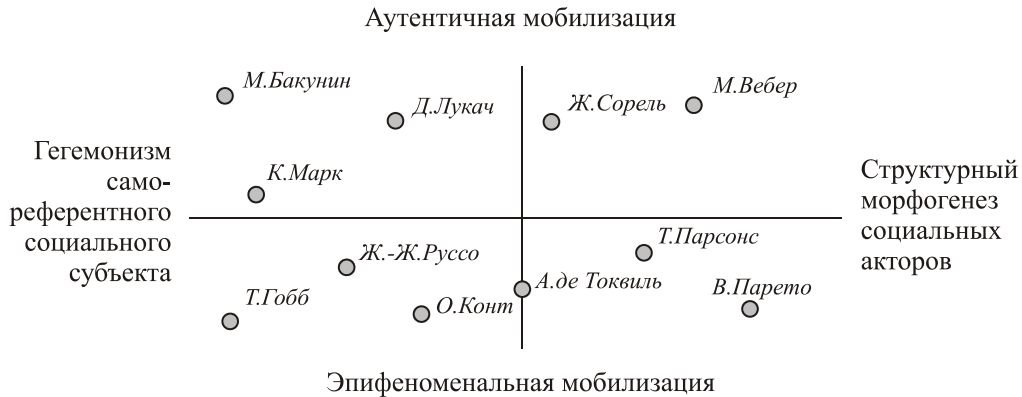
Социальная мобилизация в рамках теории М. Вебера может быть реконструирована в контексте понятия «социальное действие». Индивид наделяет свои действия субъективной целеориентированностью, и, поскольку действу-

ет в системе взаимных ожиданий, он выстраивает свое поведение сообразно предписаниям «установленного порядка». Последний придает общественным связям регулярность и предсказуемость. Готовность индивидов принимать нормативные предписания и изменять в соответствии с ними свое поведение определяется как системой мотивации, так и типом господства, которым подкрепляется *легитимность* социальных установлений. Социальная мобилизация может развиваться в формах, либо санкционированных установленным порядком, либо противоречащих ему. В первом случае речь идет о «мобилизации лояльности», когда харизматический лидер использует ресурсы своей харизмы, а в системе рационального господства обнаруживаются дополнительные инструментальные возможности для целерационального действия. Во втором случае социальная мобилизация возникает на фоне кризиса легитимности и представляет собой консолидированный отказ от лояльности к существующей системе господства и ориентацию на принципиальное переопределение нормативных предписаний.

Структурно-функциональная версия теории действия Т. Парсонса является попыткой концептуального синтеза наиболее работоспособных положений ряда доктрин и теорий, изучавших закономерности взаимоотношений между объективными и субъективными факторами действия. Процесс развития адаптивных возможностей социальных систем рассматривался им как обусловленный принудительными обстоятельствами, независимыми от интенций субъекта действия, но постоянно корректируемый механизмами субъективной мотивации индивида при принятии им решений и в его реальных поступках. Социальная мобилизация в контексте парсонсианской теории предстает как индикатор явного преобладания девиантных тенденций и значительной разбалансировки системы: со своей задачей не справляются ни интегративные механизмы, ни механизмы подавления девиаций. Социальные агенты, ориентирующиеся на «девиантные» паттерны, перестают вписываться в структуру ролевых ожиданий, построенную на «нормальных» ценностных образцах, а социализация и социальный контроль теряют эффективность. Рассогласование системы взаимных ожиданий и принципов социального взаимодействия приводит к специфическим реакциям агентов на такую дисфункцию системы — от пассивного конформизма и отчуждения до появления «инновационно-активистских» установок агентов и даже мятежа.

Обзор классических теорий и доктрин позволяет зафиксировать следующую особенность: «мобилизация» всегда оказывается соотносительной с бесструктурностью, неконсолидированной и хаотичной изменчивостью низовых слоев социальной иерархии, что особенно наглядно проявилось в социальных доктринах эпохи модерна. Разновидности идеи мобилизации, реконструируемые в модернистских доктринах в соответствии с аксиоматикой и эпистемологией каждой из них, могут быть типологизированы по двум основаниям. Это поможет сделать более наглядными различия в тех типизациях, которые конструировали социальные мыслители.

Идея социальной мобилизации в доктринах эпохи модерна

В основу типологии положены, во-первых, разные точки зрения на природу и свойства социальных субъектов и, во-вторых, различия в представлениях о свойствах процесса социальной мобилизации.

Первое основание описывается оппозицией: *гегемонизм самореферентного социального субъекта vs структурный морфогенез*. Второе основание конституируется противопоставлением *аутентичной и эпифеноменальной мобилизации*.

Левый полюс предлагаемой типологии (по первому основанию) представлен теориями и доктринами, опирающимися на идею самореферентности социального субъекта. Последний представлен в них в качестве единственного инициатора социальных изменений, противостоящего целостности и инерционности социальной структуры. Этот социальный субъект является одновременно как субъектом формообразования, так и автором и носителем аутентичных форм знания. Он исключителен по своему положению в системе взаимодействий; его *самореферентность* обусловлена тем, что само бытие типизируемого социального субъекта *несовместимо* с сохранением породившего его порядка. В силу этого субъект закономерно и неизбежно становится гегемоном социальной эволюции, *агентом мобилизации*, а сам этот процесс принимает форму общественного конфликта и является необходимым инструментом переопределения существующих социальных установлений.

Правый полюс типологии представлен теориями, в которых постулируется идея, что ни один социальный субъект не может быть отделен от структурных преобразований всей социальной системы. Человеческие сообщества развиваются системно; возникающие в ходе эволюции структурные образования имеют логику развития, мало зависящую от субъективных интенций конкретных акторов. Процессы структурного морфогенеза с неизбежностью оформляют социальных агентов сообразно своим имманентным характеристикам и с фа-

тальной закономерностью выводят «на фронт истории» любой захваченный этим процессом «человеческий материал».

Поскольку общество интерпретируется как целостная система социальных взаимодействий, ни один из элементов которой не может быть изменен в самореферентном режиме, постольку и процессы социальной мобилизации не могут возникнуть вне логики трансформаций *всей* социальной структуры, не способной изменяться лишь в одном отдельно взятом сегменте. Ни одной социальной группе не может принадлежать прерогатива социального гегемонизма, потому что агент не мобилизуется сам по себе, его мобилизуют процессы, комплексно происходящие в социальной структуре.

Второе основание типологии конструируется проблемой: действительно ли субъект социальной мобилизации является единственным автором и вдохновителем мобилизационных процессов? Верхний сегмент типологии конституируется идеей *аутентичной мобилизации*. Она характеризуется принципиальной самостоятельностью субъекта мобилизации в выборе целей и стратегий их удовлетворения. Этот вариант предполагает, что социальный агент, руководствуясь исключительно собственным разумением, способен привести в движение все доступные ему ресурсы и исключительно к собственной выгоде — для достижения желаемой цели. Иными словами, он не оплачивает своими ресурсозатратами (в ущерб собственным интересам) достижение цели к выгоде других социальных агентов, структурных образований или иных сущностей.

К другому полюсу типологии относятся доктрины, согласно которым мобилизация предстает как сопутствующий побочный феномен более существенных, более масштабных и значимых процессов. В данном случае субъект мобилизации не является полноценным автором своих действий, он *вынужден* следовать либо чужой воле, либо внешней необходимости. Таким образом, за *эпифеноменальным* субъектом можно обнаружить другого — *реального* «субъекта»: социальную группу, не входящую в мобилизационную динамику, или «законы эволюции», природные закономерности, техногенные и социальные катастрофы и т.д. Во всех этих случаях мы имеем дело с концепциями, в основании которых лежит идея «*эпифеноменальной мобилизации*».

В доктринах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и О. Конта создается «миф о народе» как автономной силе, обладающей способностью к самоотжественному действию и умением порождать социальный порядок. Самореферентность народных масс утверждается через их противопоставление власти. Власть трактуется как эпифеномен самореферентного социального субъекта, и отсюда возникает проблема ее легитимации, соответствия ее действий и интересов интересам народной массы. Власть описывается либо как гарант общественного состояния, либо как мертвая сила, нарушающая самореферентность народной массы, но в любом случае она придает определенность, структурность и устойчивость сообщественности индивидов.

Вместе с тем процессы социальной мобилизации, согласно эпистемической логике этих доктрин, оказываются лишь сопутствующим или побочным явлением более значимых процессов. Так, по О. Конту, настоящим субъектом мобилизации позитивного общества являются интеллектуалы-социократы, чье интеллектуальное развитие сверяется с прогрессом позитивного знания. Публицисты, промышленники и пролетарии, будучи вовлеченными в систему культовых и культурных действий, лишь выполняют их верховную волю. Для Ж.Ж. Руссо возможность социальной мобилизации подчинена установлениям Общей воли; индивиды должны быть готовыми отказаться от собственных специфических интересов в пользу предписаний Общей воли, обладающих безусловным приоритетом для всех граждан общества.

В концепциях К. Маркса, М. Бакунина и Г. Лукача в качестве самореферентного субъекта выступает пролетариат. Само существование и «мыслительные позиции» рабочего класса оказываются несовместимыми с породившей его буржуазно-капиталистической формацией. В этих условиях социальная мобилизация предстает как самодетерминированный процесс: пролетарский гегемонизм обусловлен превращением пролетариата из «класса-в-себе в «класс-для-себя» (согласно Марксу), или консолидирующим желанием «народно-анархического идеала» (по Бакунину), или особым эстетическим этосом (как его описывает Лукач).

Третий сегмент типологии предполагает существование концепций, в которых процессы структурного морфогенеза социальных агентов непротиворечиво сочетались бы с моделью аутентичной мобилизации. Это возможно, если в основании концепций лежит убеждение, что ни одно социальное действие невозможно, во-первых, без действующего субъекта и, во-вторых, без учета условий, которые выставляет перед ним ситуативный контекст. Проблема гегемонизма в доктринах этого типа элиминируется самой логикой объяснения процессов мобилизации. Так, М. Вебер, исходя из номиналистской теории действия, формулирует идею рационализации социальных порядков. В целерационально организованном обществе мобилизация осуществляется в форме модернизационного усовершенствования механизмов социального контроля в экономике, политике, культуре и в повседневности. Ни один субъект не имеет возможности представить свой собственный интерес в качестве всеобщего. Вместе с тем консолидирующий потенциал процессов социальной мобилизации все в большей степени, по мнению М. Вебера, определяется инструментальностью и целерациональностью.

Соседство М. Вебера с Ж. Сорелем парадоксально. Однако, развивая дискурс о пролетариате, Сорель преодолевает представления о нем как о самореферентном социальном субъекте, и приходит к идее «фабрики» как главного условия тотальной самоорганизации. Логика фабричного производства, с точки зрения Сореля, освобождает сознание пролетариата от необходимости социальных схем, идеологий и мифов, она по природе своей *инструментальна*. Рациональность пролетариата есть следствие погруженности его в инструмен-

тальную логику фабричного производства, и любые отклонения, любые нарушения этой аутентичности приводят к «выпадению» «человеческого ресурса» из логики структурных социально-экономических трансформаций.

Парадоксальность соседства Вебера и Сореля скрывается в методологической непоследовательности, с которой последний создает свою доктрину². Наряду с Сорелем — синдикалистом, рационалистом, универсализирующим фабрику в качестве источника и условия самодетерминируемой мобилизации, существует и другой Сорель — автор теории «социального мифа». Сорель эстетизирует бунтарский порыв (как пишет З. Бауман)³, полагая, что без миража, манящего в будущее, без опыта бунтарского воодушевления революционная мобилизация состояться не сможет. Такой подход делает его концепцию типологически близкой к концепции Д. Лукача. Вместе с тем мираж не может быть совершенно беспочвенным, он должен соответствовать стилю мышления и отражать главные чаяния мобилизуемого субъекта. Поскольку само существование пролетариата и формы его мышления определены (по Сорелю) «синдикатами», то и мобилизоваться он может только особым — «синдикалистским мифом». А это отнюдь не противоречит той социально-экономической структуре общества, предпосылки к возникновению которой изучались Сорелем в капиталистической эпохе.

К четвертому сегменту типологии относятся концепции, с точки зрения которых процессы социальной мобилизации могут быть реконструированы в качестве сопутствующего эффекта масштабных социальных трансформаций. Авторы этого рода концепций объединяет то, что морфогенез структурных характеристик при детерминации действия для них оказывается более существенным, нежели свойства социального актора сами по себе. Согласно структурно-функциональной теории Т. Парсонса и Р. Мертона появление девиаций и девиантов есть следствие дисфункции системы социальных образцов и системы социального контроля; одним из индикаторов этого как раз и является развитие мобилизационной динамики в той или иной социальной среде. Концепции А. де Токвиля и В. Парето показывают, что значительные социальные явления подготавливаются значительными причинами, и в силу этого можно говорить о закономерностях эволюции сообществ, мало зависящих от намерений индивидов. Общество неизбежно приходит в движение, когда ресурсы гомеостаза исчерпаны. Однако, что касается реального характера изменений и стилистики действий агента-инициатора, то они задаются системой идей, настроениями и специфическими особенностями контрагента. По мере того как в действиях правящих элит все более начинает проявляться склонность к сохранению, их соперниками все более овладевает страсть к инновациям; потеря жизненной

² Сорель осознавал этот недостаток своих работ, но отказывался от попыток что-либо изменить. Он связывал появление научной формы с феноменом пропаганды, ассоциирования с которой он всячески стремился избежать [13, с. XVIII].

³ Письмо З. Баумана Г.С. Батыгину. 1997, июнь.

энергии одной социальной группой стимулирует развитие социальной приемчивости у их оппонентов.

Библиографический список

1. *Бакунин М.А.* Бог и государство // Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987.
2. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Философия, социология, политика. М.: Правда, 1989.
3. *Бизюков П.В.* Подземная шахтерская забастовка. М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
5. *Гоббс Т.* Основы философии. О гражданине // Соч. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
6. *Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В.* Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М.: ИМЭМО, 1993.
7. *Гордон Л.А.* Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России. М.: РАФ ПРОФИО; ИМЭМО РАН, 1995.
8. Забастовки 1989–1993 гг. в России (социологический аспект) / Под ред. А.К. Зайцева. Калуга: Калужский ин-т социологии; КГПУЮ, 1996.
9. Забастовки: зарубежный и отечественный опыт / Под ред. Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. М.: Академия труда и социальных отношений; Международный ин-т экономики и права, 1998.
10. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб: Наука, 1993.
11. *Ильин В.И.* Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1999.
12. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
13. *Козловский Л.* Жорж Сорель и его социальная философия // Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М.: В. Иванов, 1908.
14. *Конт О.* Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX в.: Тексты. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996.
15. *Конт О.* Система позитивной политики // Западноевропейская социология XIX в.: Тексты. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996.
16. *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000.
17. *Лукач Г.* История и классовое сознание. М.: Левая карта, 2003.
18. *Малахов В.С.* Постмодернизм, постмодерн // Современная западная философия: Словарь. М.: ТОН-Остожье, 1998.
19. *Мещеркин А.К.* Старые и новые профсоюзы России: за кем может быть будущее? М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
20. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-пресс; Кучково Поле, 1998.
21. Солидаризация в рабочей среде. Социальное и индивидуальное / Под ред. В.А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
22. *Сорель Ж.* Размышления о насилии / Пер. с фр. В.М. Фриче. М.: Польза, 1907.

23. Социально-экономический конфликт в шахтерском городе. М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
24. *Токвиль А де*. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
25. *Троцкий Л.Д.* Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил // Соч. М.; Л.: Гос. издат. РСФСР, 1926. Т. 16.
26. *Троцкий Л.Д.* Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 2. Гражданская война // Соч. М.; Л.: Гос. издат. РСФСР, 1926. Т. 17.
27. *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000.
28. *Blumer H.* Collective behavior // New Outline of the Principles of Sociology. N.Y.: Barnes and Nobel, 1951.
29. *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969.
30. *Blumer H.* Society as Symbolic Interaction // Amer. Soc. Rev. 1965. № 3.
31. *Davies J.* Toward a Theory of Revolution // Amer. Soc. Rev. 1962. № 27.
32. *Etzioni A.* Mobilization As a Macrosociological Conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19. № 3.
33. *Gurr T.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton Univ. Press, 1970.
34. *Jenkins C.* Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. August.
35. *McCarthy J., Zald M.* Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 6.
36. *Melucci A.* Social Movements and the Democratization of Everyday Life // Civil Society and the State. Social Movements in Complex Society. L.; N.Y.: Free Press, 1989.
37. *Obershall A.* Theory of Social Conflict // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. August.
38. *Olson M.* Logic of Collective Action. N.Y.: Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965.
39. *Olzak S.* Contemporary Ethnic Mobilization // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. August.
40. *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1983.
41. *Spector M, Kitsuse J.* Constructing Social Problems. California: Menlo Park. 1977.
42. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1978.
43. *Touraine A.* Social Movements and Social Change // The Challenge of Social Change. L.; Beverly Hills: Sage, 1985.